

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ (1936-1939 ГГ.) И БЛОКОВАЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Малай В.В.

Белгородский государственный университет, Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: malay@bsu.edu.ru

В статье на основе ввода в научный оборот большого круга архивных источников (7 фондов АВП РФ, материалы РГАСПИ) анализа зарубежных внешнеполитических материалов прослеживается связь международных аспектов гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. и процесса политической блокировки в Европе кануна Второй мировой войны, исследуются вопросы темы, которые не рассматривались в отечественной испанистике или не получили должного освещения.

Интернационализация гражданской войны в Испании не стала побудительным мотивом объединения антифашистских сил. Угроза общеевропейского конфликта, многократно усиленная событиями в Испании, не придала отношениям по линии Лондон-Париж-Москва конструктивного содержания. Провал возможной консолидации Великобритании, Франции и СССР в годы Гражданской войны в Испании означал начало конца политики коллективной безопасности.

Сложившийся профранкистский альянс окажется намного сильнее эвентуального про-республиканского.

Боязнь союзов, сепаратных соглашений в годы испанской войны всеми будущими членами антигитлеровской коалиции привела к тому, что договор становился орудием политической борьбы.

Война в Испании 1936-1939 гг.; международные отношения.

В Европе второй половины 30-х гг., в обстановке острой политической и идеологической поляризации, локальный конфликт уровня гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. (тем более, с ярко выраженным анти- или профашистским контекстом) не мог сохранить только внутреннее наполнение. Обращение противоборствовавших испанских сторон в июле-августе 1936 г. за помощью к странам, стоявшим по разные стороны пусть не всегда зримого международного барьера, легло в основу интернационализации конфликта.

Проследим, какую роль Гражданская война в Испании сыграла в формировании военно-политических блоков кануна Второй мировой войны.

Тенденции блоковой политики в европейских международных отношениях проявились еще до Испанской войны. Так, например, за неделю до ее начала итальянская «Трибуна», комментируя проходящую в Монтрё конференцию, доказывала, что та направлена против Италии и ее интересов в Средиземном море. Подчеркивая, что такая постановка вопроса встретит возражения Японии и Германии, газета добавляла, что «может случиться, что еще раз Токио, Берлин и Рим окажутся вместе» [6, оп.19, п.41, д.658, л.223].

В день начала испанского мятежа лондонская «Таймс» писала, что «цель британской политики – избежать повторения такой инициативы в отношении согласованной европейской политики, которая может разделить Европу на противоположные лагери» [18, 1936. 17 Jul.].

Как следует из архивных источников, уже в начале августа 1936 г. один из руководителей НКВД СССР, Н.Н. Крестинский, подчеркивал, что «определяются группировки в будущей мировой войне», напрямую связывая это с испанскими событиями [6, оп.19, п.41, д.658, л.217-218].

Один из первых британских меморандумов по Испанской войне (12 августа 1936 г.) назывался «Об опасности создания идеологических блоков в Европе», но собственно идеология, не была здесь главным мотивом. Политические интересы оказывались намного значимее.

Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (1935 г.), приход к вла-

сти левых сил во Франции (1936 г.) дали британским политикам повод опасаться потерять в лице этой страны потенциального политического союзника. Британское руководство поставит на повестку дня задачу «нашей защиты Франции *всеми возможными способами* [курсив наш: В.М.] от нашествия коммунизма под влиянием гражданской войны в Испании» и «помочь ему [премьер-министру Франции Л. Блюму: В.М.] освободиться из-под русского влияния». Из меморандума заместителя министра иностранных дел Великобритании Ванситтарта по итогам визита в Германию и Францию в августе 1936 г. следовали тактические установки: максимально подчинить себе французскую политику в Комитете по невмешательству в дела Испании, оказать нажим на французских лидеров, доказывая бесперспективность их сотрудничества с СССР и целесообразность кооперации с Британией перед лицом потенциальной фашистской агрессии [10, 773].

В свою очередь, советская дипломатия регулярно пыталась внушить французской стороне опасность попадания под английское влияние: «И для Франции, и для Англии было бы гораздо лучше, если бы Париж проявлял больше самостоятельности», «никто иной, как Блюм поставил всю внешнюю политику Франции в рабскую зависимость от Лондона» [3, оп.2, п.17, д.165, л.253; 4, оп.21, п.62, д.4, л.70].

С началом Испанской войны внешнеполитическая уязвимость Франции, безусловно, значительно обострилась: не только помощь (в любой форме) Испанской республике, даже солидарность с нею таила опасность серьезного осложнения отношений, как с фашистскими государствами, так и с Великобританией. Как подчеркнул уже 24 июля 1936 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос в беседе с полпредом СССР в Великобритании И.М. Майским, «Европа стоит сейчас перед пропастью войны» [4, оп.20, п.60, д.4, л.25]. Потенциально некоторая угроза остаться в изоляции существовала для Франции, о чем не забывала регулярно напоминать французам английская сторона.

Французский посол в Берлине Франсуа Понсе полагал еще в августе 1936 г., «что события в Испании повлияют на английских консерваторов, открыв им глаза на реальность большевистской опасности и риск тесной дружбы с уже якобы зараженной коммунизмом Францией, и отдалят их от нашей страны» [12, 135].

Испанская война стала удобным обстоятельством для постепенного подчинения французского внешнеполитического курса британскому.

«Испанский козырь» сыграл не последнюю роль и в «борьбе за Францию» 1936 - 1939 гг. между Великобританией и СССР. Советская дипломатия, обсуждая с французской перспективы потенциального союза, старалась максимально утрировать опасность для нее германской угрозы [7, оп.20, п.167, д.828, л.173].

Поставленная перед выбором - где больше терять: «на британских качелях или на русской карусели», Франция вынуждена была склоняться к первым: «Русский аспект в Испании обманет ожидания, создавая при этом разногласия с английскими настроениями. Я [Ванситтарт: В.М.] подчеркнул это мистеру Легеру с просьбой повторить Блюму, что тому будет оказана помощь в сопротивлении русскому нажиму или корректировке тактики» [10, 270].

Посол Франции в Москве Кулондр, в чьем лице, по определению зав. 3-м Западным отделом НКВД А. Неймана, советская дипломатия имела «человека, который не любит ставить ноги, не прощупав почву, и делать поспешных заявлений», подчеркивал в декабре 1936 г., что «наши симпатии идут в одном направлении [с республиканской Испанией]», оговариваясь, что французской политике в этом направлении приходится считаться с английскими настроениями [7, оп.20, п.167, д.828, л.55-6]. Как говорил министр авиации Пьер Кот (сторонник альянса с СССР), «Блюм намеревался отправиться на встречу с Москвой после остановки по пути в Лондоне» [24, 211].

Французская сторона отдавала себе отчет, что «московское руководство с особым вниманием следит за поведением нашего представителя в Комитете», но в неко-

торых французских газетах в начале ноября 1936 г. прошла информация, что в своей речи на заседании Национального совета французской социалистической партии Леон Блюм заявил о возможности при известных обстоятельствах и по соглашению с Англией пересмотреть политику невмешательства в испанские дела [12, док.486; 2, оп.11, п.71, д.55, л.254].

В декабре 1936 г. Дельбос, выступая в парламенте, от имени французского правительства заявил, что все вооруженные силы Франции (на суше, на море и в воздухе) будут немедленно двинуты в дело, если Великобритания подвергнется неспровоцированной агрессии. Такое же обязательство Дельбос дал и в отношении Бельгии [4, оп.21, п.62, д.4, л.25-26].

В агентурной информации Коминтерна (декабрь 1936 г.) «Об антисоветской работе французских фашистских партий Дорио и Де ля Рока» подчеркивалось, что в своей агитации эти политические деятели доказывают тезис, что «СССР – плохой союзник: советские танки плохого качества и десятками уничтожаются артиллерией генерала Франко, флота совсем не имеет. Англия не будет оказывать поддержки Франции, если последняя будет помогать Советскому Союзу». Тактический вывод был очевиден: «В неизбежной войне Европы с азиатским варварством Франция должна занять подобающее ей место» [8, л.69].

Усложнение ситуации в Европе (в том числе и политикой «невмешательства») в 1937-1938 гг., усилило значимость проблемы противников и союзников в назревавшей войне. По мере поправления французского правительства «для французских правых «красная угроза была страшнее «коричневой опасности» [22, 22]. Франция уже во многом уступила инициативу в решении глобальных европейских проблем (в том числе, и испанской) Великобритании, и вопрос о ее союзничестве почти не вызывал сомнений у британских политиков.

«Видя, что Франция каждую свою акцию спешит согласовывать с Лондоном, англичане все больше привыкают к такому положению, приобретая вкус к командованию, и порою не только не считаются с интересами Франции, но бесцеремонно ставят ее перед лицом свершившихся фактов», - записал в своем дневнике после беседы с Шотаном и министром просвещения Жан Зеєм в январе 1937 г. полпред СССР во Франции В.П. Потемкин [3, оп.1, п.7, д.73, л.9].

Иллюстрацией этого вывода может послужить и «джентльменское соглашение» (Англия-Италия, январь 1937 г.), и английские (односторонние) предложения по выходу из кризиса политики невмешательства июня-июля 1937 г., и англо-итальянское соглашение 1938 г., и ряд аналогичных внешнеполитических акций Великобритании. В августе 1937 г. Кулондр в беседе с В.П. Потемкиным подчеркнул «недостаточно корректное отношение Англии к своему долгу ближайшего сотрудника и даже союзника Франции». Посол жаловался, что «Англия не выдерживает линии согласованной англо-французской политики, что она не в первый раз ставит французов перед фактом своих двусторонних соглашений с такими партнерами, как Германия и Италия,... что особенно явно в Комитете по невмешательству, эта неустанная тактика Англии ставит Францию в ложное положение» [7, оп.21, п.169, д.837, л.15].

В Комитете по невмешательству в дела Испании с лета 1937 г. Франция почти полностью следовала британскому курсу. По мнению И. Майского, Шотану, Блюму и Дельбосу следовало бы чаще вспоминать Барту, который «умел оказывать сильнейшее влияние на Лондон, нередко он диктовал свою волю Форин офису» [4, оп.21, п.62, д.4, л.117].

С другой стороны, нужно иметь в виду, что французская дипломатия понимала и знала, что при Барту «заинтересованность Англии в дружбе с Францией была значительно меньше, чем сейчас» и что «Англия не уйдет от Франции, ибо в этом случае она оказалась бы целиком на милости у германо-итальянского блока» [там же; 5, оп.20, п.86, д.4, л.129]. Можно согласиться с мнением российского исследователя И.А. Челы-

шева о том, что лидирующее положение одной из держав в политическом или военно-политическом союзе не означает автоматического лишения другой самостоятельности и инициативы во внешней политике [22, 24].

Франция устраивала Англию как партнер, но партнер ведомый. Устраивало ли это Францию? Но был ли у нее выбор? Что мог ей предложить Советский Союз?...

Для Франции и СССР в годы испанской войны антифашизм, к сожалению (в плане ближайшей перспективы), не стал основополагающим принципом сближения.

Как следует из архивных источников, в октябре 1936 г. Дельбос в беседе с В. Потемкиным обращал внимание советского дипломата на то, что гитлеровская пропаганда доказывает идею советского стремления к всеобщей войне через обострение испанского вопроса. По мнению Дельбоса, позиция СССР в Комитете по невмешательству в некоторой степени облегчала такую пропагандистскую тактику Германии. Более откровенно на эту тему с сотрудниками советского посольства Гиршфельдом и Соколинским шли разговоры Леже (генеральный секретарь МИД Франции) и Комэра (директор бюро прессы и информации МИД Франции). Французская позиция определялась следующим образом: при эвентуальном нападении Германии на советские суда такая агрессия могла бы быть признана «вызванной» самим Советским Союзом, а, следовательно, Франция не обязана была приходить на помощь. Ее она может оказать «лишь в случае нападения на территорию СССР». «Словом, нам достаточно определенно сигнализируют, что в случае вооруженного конфликта из-за Испании нам нечего рассчитывать на Францию, которая до конца намерена выдерживать линию невмешательства» [7, оп.20, п.167, д.828, л.143-144].

Цели не потерять Францию как потенциального партнера были подчинены и начавшиеся в ноябре 1936 г. секретные военные франко-советские переговоры, закончившиеся безрезультатно [19, 85-86]. Еще летом 1937 г. лидеры СССР не теряли надежды на их возобновление: «Задачей первостепенной важности является самым внимательным образом следить за развитием ...агитации против франко-советского пакта и сотрудничества с СССР» [7, оп.21, п.169, д.839, л.27].

Как писала французская печать под броскими заголовками типа «Мы не будем сражаться за СССР», советская дипломатия «не ограничивается тем, что дает директивы испанскому правительству, но претендует также на то, чтобы давать советы французскому правительству» [17, 1936. Nov. 3].

Французская блокировка с Англией по вопросам невмешательства вызвала адекватную реакцию советского руководства. Комментируя заявления французского премьера Шотана (декабрь 1937 г.), что «можно было бы и совсем не говорить о франко-советском пакте, если бы только Англия дала Франции достаточные гарантии ее внешнеполитической безопасности», руководство НКВД в категоричной форме утверждало, что «у нас весьма недовольны нынешней линией французской внешней политики и – персонально – поведением Дельбоса. Решено держаться от французов подальше, ни пускаться с ними ни на какие интимности, и, тем более, не делать им никаких авансов. Они должны понять, что нам ясна их тактика, и что мы не создаем себе иллюзий насчет отношения нынешнего правительства к франко-советскому сотрудничеству. Франция нуждается в СССР; мы же без труда можем обойтись и без французов» [3, оп.2, п.17, д.165, л.8-9]. Как писал тогда же полпреду во Франции Я. Сурицу Потемкин, «нынешний официальный представитель Франции в Москве менее всего способен или расположен противодействовать охлаждению своего правительства к сотрудничеству с СССР. Он собирает антисоветские сплетни. Он аккуратно информирует японского посла о каждом разговоре, который имеет с нами» [7, оп.21, п.169, д.839, л.60, 62]. Несколькими месяцами позже Литвинов, характеризуя Кулондра, заметит, что «послы – это вообще такой народ, которые крупнейшие международные вопросы пропускают иногда через призму конфликтов в области виз и т.п.» [3, оп.2, д.165, л.60].

Почти за полгода до "Мюнхена" - «второго Седана для Франции» - советская

дипломатия, как свидетельствуют архивные источники, делала вывод, что «наш пакт существует только на бумаге, находится в состоянии «анабиоза» [там же, л.201. 111].

Добавим, что в самом военно-политическом руководстве Франции в сентябре 1938 г. единства мнений по поводу перспектив для страны последствий испанского, равно как и чехословацкого кризиса не было. Ряд политиков (Боннэ) считали, что в случае войны с Германией и франкистами (ее потенциальными союзниками) будет двинуто достаточно войск и авиации для их разгрома. Другая группа французских лидеров опасалась, что, в таком случае «франкистские базы станут особо опасными для Франции» [9, 528].

В октябре 1938 г. «создавшееся новое международное положение и видящиеся за ним перспективы», дали основание советскому руководству поставить вопрос об эвентуальном денонсировании франко-советского пакта», правда, он был «*решен пока* (выделено нами: В.М.) в отрицательном смысле» (Литвинов), с учетом происходящего в Берлине, Лондоне и Париже [3, оп.2, п.17, д.165, л.203].

Таким образом, запугивая Францию угрозой фашистской интервенции и «красной чумы», Великобритании, а вместе с ней Германии и Италии за годы Испанской войны удалось «оторвать» Францию от СССР (который, в сложной предвоенной политической игре, наложенной на идеологическое противостояние, не смог предложить Франции более весомые, чем Англия, «kozyри»). Оппозиционная британская «Манчестер Гардиан» подытоживала этот курс в январе 1939 г.: «Чемберлен берет на себя ответственность, рекомендуя дружественному правительству [Франции] политику, которая может оказаться роковой для ее независимости» [16, 1939. Jan. 20.].

Английское отношение к потенциальному альянсу с СССР за время испанской войны, несмотря на некоторые колебания, можно охарактеризовать как в целом отрицательное. Это проявилось как в попытках недопущения СССР к подписанию Соглашения о невмешательстве на стадии его подготовки (август 1936 г.), так и в британской тактике в Комитете по невмешательству (например, создание в нем к ноябрю 1937 г. единого фронта западных держав) [см.: 20]. Этот вопрос, как свидетельствует анализ опубликованных стенограмм заседаний британского Кабинета или Комитета по имперской безопасности, ими регулярно рассматривался. Так, например, 13 октября 1937 г., при обсуждении британским правительством международной ситуации министр внутренних дел Джон Саймон подчеркнул, что почти полное совпадение позиций Великобритании по невмешательству с французскими не должно привести к образованию англо-франко-советского блока и что нужно разубеждать Францию от принятия такого курса [11, 403]. Месяцем спустя совещание глав штабов при Комитете по имперской безопасности будет анализировать следующий расклад сил на европейской арене: враждебные Германия с Италией, кооперация с Францией и Бельгией; России отводилась роль нейтральной страны или союзника (на крайний случай), что почти не отличалось от выводов Комитета по имперской безопасности от 5 июля 1937 г. [там же, 501-511].

Возможность формирования антифашистской коалиции на почве испанских событий периодически зондировалась в Лондоне советской дипломатией. Параллельно она регулярно подчеркивала британской стороне опасность фашизации Испании и необходимость блокировки на этой почве. После разговора с Иденом 3 декабря 1936 г. И. Майский записал в дневнике: «...совершенно ясно, что одними своими собственными силами (как бы успешно Великобритания не вооружалась) она не сможет гарантировать целостности империи, особенно на Дальнем Востоке. Для этого ей нужны «друзья», которые так же, как и Великобритания, не хотят передела мира, а стремятся к известной стабилизации существующих отношений» [4, оп.20., п.60, д.4, л.52-53].

Советское руководство, справедливо заключая, что «было бы ошибкой за испанскими деревьями не видеть леса мировой политики», отдавало себе отчет, что в итоге «испанский вопрос, несомненно, значительно ухудшил наше международное положение. Он испортил наши отношения с Англией и Францией, посеял сомнения в Бухаре-

сте и даже Праге» [там же, л.48-49; 1, оп.16, д.64, л.46].

Вывод же британского руководства (май 1939 г.) о том, что «возможная перспектива противостояния Испании с военной точки зрения не должна встать на пути заключения пакта с Советской Россией» можно с сожалением отнести к запоздавшему прозрению [27, 224]. Именно об этом времени Черчилль позже напишет: «Наши акции котировались очень низко» [23, 173].

Что касается англо-итальянского или франко-итальянского объединения на антигерманской почве, то уже война Италии в Абиссинии сделала его весьма проблематичным. Нейтральная позиция Германии в абиссинском вопросе и пассивность Италии в рейнском конфликте давали неплохое основание для сближения их собственных позиций. Эту мысль подчеркнул Муссолини во время беседы с германским послом Хасселем уже 11 июня 1936 г., считая, что формируется «лучший базис для политической кооперации, чем предыдущие пакты или эмоциональные отношения» [14, 775].

Бесспорный вывод о том, что гражданская война в Испании «окончательно подтолкнула Муссолини в объятия Гитлера» [25, 29] требует некоторой конкретизации.

Британский советник в Риме Носворси уже в июле 1936 г. обратил внимание на то, что «первым человеком в Риме долго был французский посол Шамбрен, сейчас он вынужден уступить место своему германскому коллеге фон Хасселю» [6, оп.19, п.141, д.658, л.133]. Но, несмотря на значительное совпадение тактик Гитлера и Муссолини в начале испанской войны, британская дипломатия считала это не более чем демонстрацией возможности итало-германского сближения, в котором к тому времени серьезных сдвигов не произошло. По мнению английского посольства в Риме, в рассматриваемый период Гитлер связывать своей судьбы с Муссолини не хотел, большинство руководителей Германии не доверяли Италии: «Берлин считает, что на итальянцев полагаться нельзя и что Муссолини неоднократно уже менял и будет менять свою внешнеполитическую ориентацию. В Германии не забыли ни печального урока мировой войны, ни колебаний Муссолини между Берлином и Парижем все эти годы. Особенно свежо еще франко-итальянское соглашение 1935 г. и вытекающее из него совещание генеральных штабов, приезд сюда Гамелена и проч. ... Гитлер считает, что также как сейчас, Муссолини ищет дружбы и близости Германии, завтра, если ему это понадобится, Италия снова будет стремиться к соглашению с Францией и Англией» [там же, л.116]. Отсюда - сдержанность Берлина и столь существенное различие между объемом и характером итальянских «заигрываний» и немецких ответов на них.

Британская дипломатия также полагала, что «в обоих случаях главное чувство, которое у них есть для кооперации в настоящее время – не столько общая боязнь коммунизма, сколько чувство, что они вдвоем изолированы в Европе», «флирт с Римом» укрепляет внешнеполитические позиции Гитлера и толкает ряд стран поскорее искать общий язык с Германией. «Если к изложенному прибавить значение нынешних испанских событий, важность укрепления внутренних режимов..., то объективных предпосылок для итало-германского сотрудничества будет еще больше» [10, 90; 6, оп.19, п.658, д.117, л.118].

Было очевидно, что расширение его рамок может привести к потере Италией своих пусть скромных, но важных в перспективе позиций в Австрии или Чехословакии.

Контуры будущего блока многие политические лидеры Европы усмотрели уже в заключенном 31 июля 1936 г. австро-германском соглашении. Я. Суриц (полпред СССР в Германии) писал Н. Крестинскому: «Если это соглашение и не означает создания австро-итало-германского блока, то угроза такого блока в глазах внешнего мира сейчас все же значительно возросла. И Берлин, и Рим приложат немало стараний, чтобы поддержать у своих партнеров страх перед такой перспективой и извлечь из этого страха максимальную для себя выгоду. Такая игра уже началась» [5, оп.19, п.83, д.4, л.78]. Англо-итальянское соперничество в Средиземном море, обострившееся с началом войны в Испании, делало для Муссолини поддержку Германией еще более актуальной.

Дальнейшим показателем некоторой синхронизации итальянских и германских действий в отношении Испании станет их формальное присоединение к Соглашению о невмешательстве, вхождение в Комитет по невмешательству, и пусть не всегда согласованная, но схожая тактика в этой организации: максимальное сопротивление любым легитимным попыткам облегчить положение Испанской республики.

К «единству взглядов и установлению общей линии поведения», легших, как известно, в основу оси «Берлин-Рим» (октябрь 1936 г.), добавлялось и «признание того факта, что генералу Франко подчиняется большая часть испанского народа (в итальянском варианте: «испанский народ на большей части испанской территории»), одновременное установление принципа невмешательства и отклонение всяких претензий на испанские владения». Комментируя визит Чиано в Берлин, во время которого была сформирована пресловутая «ось», Я. Суриц писал: «...на данном этапе испанская проблема, по-видимому, является стержнем германо-итальянского сотрудничества». По мнению советской дипломатии, серьезные практические последствия и более действенный характер это сотрудничество могло принять в Испании. «А так как этот вопрос в настоящий момент тесно связан с узловыми проблемами европейской политики и с вопросом об отношении к Советскому Союзу, то сотрудничество на этом участке грозит нам наибольшими осложнениями» [там же, л. 125, 115, 116].

В те дни «Франкфуртер Цайтунг» указывала, что единство взглядов Германии и Италии выразится в дальнейшем «параллелизме действий» [15, 1936. Oct. 26.], что и воплотилось в признании 18 ноября 1936 г. фашистскими странами правительства Франко в Испании.

Именно тогда французская дипломатия делилась с советской стратегическими целями: «Основной задачей является отрыв Италии от Германии с тем, чтобы изолировать последнюю, если она захочет продолжать во что бы то ни стало политику интервенции в Испании» [7, оп.20, п.167, д.828, л.182].

К концу 1936 – началу 1937 г. «германская карта» стала у Муссолини едва ли не основной, несмотря на все неудобства игры именно этой картой. Дуче не оставит идеи использования ее в качестве «козыря» после заключения «джентльменского соглашения» с Великобританией. Советская дипломатия полагала, что «Муссолини пытается примирить обе эти линии и создать треугольник Берлин – Рим – Лондон. Ему представляется, что базой этого треугольника для данного момента может явиться испанская проблема». По мнению Штейна, Муссолини вел упорную работу по возрождению пакта 4-х: «Создание треугольника «Берлин-Рим-Лондон» и эвентуальное соглашение между членами этого треугольника в вопросах хотя бы осуществления контроля в испанских делах, создало бы, таким образом, более благоприятную атмосферу для осуществления любимой идеи Муссолини». Одним из средств давления на Англию (и не только на нее) в этом направлении станет открытое признание Муссолини в январе 1937 г. деления всей Европы на два блока [3, оп.1, д.35, л.6, 20, 23].

Углубление вовлеченности фашистских стран в испанский конфликт позволило советской дипломатии в феврале 1937 г. сделать вывод о том, что «вопросы, разделяющие эти страны, как, например, австрийский, отступают сейчас на задний план перед вопросами, их сближающими, в особенности, перед испанскими событиями» [5, оп.20, п.86, д.4, л.28].

По мнению корреспондента лондонской «Таймс» Эббата (март 1937 г.), «итало-германские отношения, бесспорно, зашли гораздо дальше, чем этого можно было ожидать, и еще неизвестно, на чем они останутся». Из серьезных источников Эббату стало известно, что «Муссолини прилагает сейчас много усилий, чтобы превратить ось Берлин-Рим в крепкий военный союз, ради которого он, по-видимому, готов полностью принести в жертву Австрию» [там же, л. 49].

По заключению американской дипломатии (май 1937 г.), Италия добивалась подписания военного союза с Германией, но германское правительство уклонялось от принятия окончательных решений [там же, л.68-69].

Германия, подталкивая Италию в это время ко все большему втягиванию в испанскую авантюру, не торопилась связывать свои страны более тесным альянсом, тем более, что к аншлюсу Австрии еще не была готова ни сама Германия, ни общеевропейская ситуация. Как образно выразился французский посол в Берлине Понсэ, «Гитлер не приоткрыл двери в сторону соглашения, но и не прихлопнул ни одной» [там же, л.33]. И это – несмотря на дипломатическую активность обеих сторон, например, в апреле-мае 1937 г. (свидание Муссолини с Герингом в Риме, приезд в Рим Нейрата и т.д.). Наблюдателям казалось, что главная цель этих встреч заключалась в психологической атаке, направляемой с обеих сторон на Англию: «Англия должна, во-первых, поверить в действительную прочность и солидность оси Рим-Берлин, а во-вторых, наконец, испугаться и сделать из этого испуга надлежащие выводы» [9, 477; 5, оп.20, п.86, д.4, л.68-69]. Этот шантаж давал больше шансов Гитлеру, нежели Муссолини. Еще в июле 1936 г. германский посол в Риме Хассель подчеркивал необходимость всеми средствами избежать «опасной [для Германии и Италии] политики пактов» [14, 775].

В архивных документах нашло отражение мнение советской дипломатии о том, что визит министра иностранных дел Германии Нейрата в июне 1937 г. в Лондон удалось сорвать «не без содействия итальянцев» [3, оп.1, п.4, д.35, л.133].

«Психологически, к сожалению (с точки зрения нашей политики), шансы Гитлера на сговор с Лондоном больше, нежели шансы Муссолини. Муссолини это понимает, и, повторяю, смертельно боится англо-германского сближения», - полагал в июле 1937 г. Б. Штейн [там же, л.118].

Единая тактика при разрешении кризиса «невмешательства» (июнь-июль 1937 г.) также сблизил позиции фашистских стран и в испанском, и общеевропейском вопросе. И хотя в итало-германских отношениях еще отмечались всплески взаимных провокаций и шантажей [3, оп.1., д.35, л.139], к тому времени аншлюс Австрии – яблоко раздора между Италией и Германией - становился вопросом времени.

Германия позволила Италии «увязнуть» в Испании, как ранее в Абиссинии, что ощутимо пошатнуло положение той в Средиземноморье. Затруднялась активная политика Италии в Придунайском бассейне и на Балканах, где с ослаблением ее позиций заметно усилились германские. Муссолини стремился к завершению испанской авантюры (но его устраивал только победный вариант). Франко же начинал тяготиться излишней «опекой» дуче [21, 173].

Ситуация в германо-итальянском мезальянсе лета-осени 1937 г. очень походила на состояние англо-французских отношений: очевидное лидерство Англии и Германии, заметная подчиненность Франции и Италии их курсу, в том числе и «испанскому». В начале августа 1937 г. советский полпред в Германии К.К. Юренев писал в дневнике: «Германия знает, что Италия по существу у нее в руках и что, потеряв германскую поддержку, акции Италии сильно пали бы на всех «политических биржах» [5, оп.20, п.86, д.4, л.128]. Правда, точек соприкосновения у Италии и Германии в испанском вопросе было больше, чем у их эвентуальных противников.

Периодически запускаемые в дипломатических кругах слухи о сближении Советского Союза то с Германией, то с Италией можно расценивать не только как шантаж ими противоположной стороны. На наш взгляд, это могло быть и зондажем собственно советской позиции: с кем же окажется в конечном итоге СССР, справедливо опасавшийся сговора за своей спиной.

Этот тезис подтверждается резюме В.П. Потемкина в телеграмме в НКВД по итогам встречи с Дельбосом (26 октября 1936 г.): «...Несомненно, нас все более и более начинают бояться. Вместе с тем, укрепляется убеждение, что с нами лучше жить в мире, даже дружбе, нежели во вражде или в разлуке» [7, оп.20, п.167, д.828, л.142]. Но на эти советские действия в конечном итоге адекватно отреагирует только Германия пактом Молотова-Риббентропа.

Анализируя в контексте слухов перспективы развития отношений «Рим-

Москва», Б. Штейн подчеркивал в июле 1937 г.: «До тех пор, пока существует испанская проблема, никаких изменений в итало-советских отношениях произойти не может». Обращает на себя внимание тактический вывод: «После окончания испанской борьбы и в случае, если Германии удалось бы сблизиться с Англией, итало-советское сближение отнюдь не следует исключать из возможностей политических комбинаций, но это музыка будущего» [3, оп.1, п.4, д.35, л.115-116].

После встречи с итальянским послом в Москве Россо (июль 1937 г.), М. Литвинов заключит: «если бы нам предстоял выбор между англо-германским и англо-итальянским соглашением, то мы выбрали бы, конечно, последнее, как меньшее зло...» [там же, л.139].

Дальнейшим расширением диапазона совместных германо-итальянских действий стал визит Муссолини в Берлин (октябрь 1937 г.): диктаторы договорились о единой линии по ряду внешнеполитических вопросов, в том числе, испанскому, средиземноморскому, колониальному, дальневосточному. «Если в первых двух Гитлер пошел навстречу Муссолини, дав ему обещание поддержки до конца и пообещав отказаться от попыток сепаратного флирта с Англией, – писал поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов, – то в последних двух Муссолини пошел навстречу Гитлеру – пообещав поддерживать его колониальные притязания» [там же, п.3, д.23, л.120].

У фашистских государств появлялась очередная удобная возможность продемонстрировать Франции и Англии силу и сделать их сговорчивее как в общеевропейских, так и колониальных вопросах: «отдельные представители итальянской дипломатии всегда утверждали, что сближение Рима с Берлином в планах Муссолини играет роль рычага, при помощи которого он намерен был заставить Лондон пойти на соглашение с ним» (Штейн – Литвинову, январь 1937 г.) [там же, оп.1, п.4, д.35, л.17].

Напомним, что юридически оформленного варианта германо-итальянского сотрудничества на том этапе не было. Можно согласиться с мнением французской дипломатии, выраженном накануне визита Муссолини в Берлин: «Страны фашистской диктатуры вроде Германии и Италии не нуждаются для своих замыслов в договорах и протоколах. Гитлер и Муссолини подписывают документы лишь в том случае, когда почему-либо хотят добиться взаимного или выгодного внешнеполитического эффекта. Для серьезных же и агрессивных планов Италия давно уже отказалась от фетишизма подписания бумажек. Опыт испанской интервенции является наглядной тому иллюстрацией» [там же, л.192].

Ставший в феврале 1938 г. министром иностранных дел Германии Риббентроп более активно проводил линию на сближение с Италией. «Линия Риббентропа – это усиление оси Рим-Берлин-Токио и ослабление контактов Лондон-Берлин, еще более агрессивная политика в Центральной Европе (Чехословакия, Австрия) и, главное, активизация интервенции в Испании», – справедливо считал советский полпред в Берлине Я. Суриц [3, оп.2, д.165, л.53].

Представляют интерес встречающиеся в дневниках и депешах советских дипломатов характеристики личностного плана. В марте 1937 г. Майский писал: «...Если бы Риббентропа [в тот период – посла Германии в Великобритании] не было, его нужно было бы выдумать. Ибо могу сказать это с полной определенностью, – Риббентроп является в настоящее время моим крепким «союзником»: где он пройдет, там непременно вырастут цветы раздражения и недоверия к Германии, а это, в свою очередь, по законам диалектики идет нам только на пользу. Положительно, Риббентропу стоило бы платить жалование от советского правительства». Эта мысль была продолжена в послании И. Майского М. Литвинову в ноябре того же года: «Риббентроп, благодаря своей феноменальной бестактности и своему редкому умению наступать англичанам на мозоли, являлся на протяжении последнего года моим лучшим союзником в борьбе с усилением германского влияния в Великобритании» [4, оп.21, п.62, д.4, л.46, 159].

Дальнейшее развитие итало-германской кооперации преследовало цель, кроме

укрепления собственно союза, скорую и полную ликвидацию Республики его силами.

События 1938 г. внесли принципиально новые акценты в палитру международных предвоенных отношений. В декабре 1938 г. французский посол в Берлине Кулондр в беседе с советским полпредом Астаховым, оправдываясь, заметил: «Никто не предвидел размеров мюнхенской неудачи. Немцы зашли гораздо дальше, чем можно было предполагать. Выиграть в Мюнхене Англия и Франция не могли, ибо, по существу, там шла игра в покер, а демократы, не будучи способны на блеф, всегда будут в подобном случае в проигрыше» [5, оп.21, д.4, л.331-332]. Но и до, и после Мюнхена процесс блокировки шел, безусловно, под сильным влиянием испанских событий. По мнению советской дипломатии, испанский вопрос «сыграл едва ли не решающую роль в темпах и сроке окончательного сговора Италии с Германией». Аналогичной точки зрения, как свидетельствуют архивные источники (записи бесед британских дипломатов с советскими), придерживалась и Великобритания [3, оп.1, п.4, д.35, л.17].

Фашистские страны, безусловно, выиграли, выключив Франко из числа потенциальных союзников Англии и Франции в 1936-1938 гг. Но этот стратегический выигрыш был недолгим. В сентябре 1938 г., в разгар мюнхенского кризиса, Франко, вопреки ожиданиям Берлина и Рима, провозгласил нейтралитет Испании на случай войны. Доказывая необходимость усиления союза, Гитлер и Муссолини побудят Франко присоединиться в марте 1939 г. к антикоминтерновскому пакту. Тем самым Англия и Франция лишались гарантированно нейтрального поведения Испании в надвигающейся войне. Но в августе 1939 г. каудильо подтвердил свое намерение оставаться нейтральным, что было совершенно оправданным с точки зрения национальных интересов разоренной глубоким гражданским конфликтом страны [13, 950-951, 969-970, 972-972; 26, 328-329].

Таким образом, испанские события предоставили удобную возможность проверить на прочность общность интересов ведущих стран как в деле сохранения мира в Европе, так и в подготовке к войне. Если абиссинский кризис лишь наметил робкие контуры военно-политических союзов, то испанский станет их более прочным «цементирующим раствором».

Основная блокировка будет идти в направлении: демократические страны против фашистских, при наличии ряда боковых векторов. Все участники пытались вести многокомбинационную игру.

Интернационализация гражданской войны в Испании не стала побудительным мотивом объединения антифашистских сил. Наибольшую недальновидность проявило французское руководство. Не всегда последовательной была тактика советской стороны. Солидарность с Испанской республикой оставляла СССР в одиночестве на европейской арене. Тем самым он противопоставил себя западным странам и в определенной мере предопределил свою будущую изоляцию и в Комитете по невмешательству в дела в Испании, и в Европе.

Английская и фашистская дипломатия активно злоупотребляли «испанским фактором» для «отрыва» Франции от СССР.

Перед лицом новой угрозы, многократно усиленной испанской войной, отношения по линии Лондон-Париж-Москва не приобрели нового содержания, которое было так востребовано временем и необходимо для остановки этой угрозы. Провал возможной консолидации Великобритании, Франции и СССР в годы Гражданской войны в Испании означал начало конца политики коллективной безопасности.

Сложившийся профранкистский альянс окажется намного сильнее эвентуального про-республиканского.

Боязнь союзов, сепаратных соглашений в годы испанской войны всеми будущими членами антигитлеровской коалиции привела к тому, что договор становился орудием политической борьбы. Итоги ее станут печальными для всех участников.

Антифашистские силы, не нашедшие точек соприкосновения для блокировки во время испанской войны, вынуждены будут два года спустя после ее окончания объеди-

няться в условиях более масштабных боевых действий. Западноевропейским странам придется расплачиваться за свои предвоенные ошибки (в частности, по линии: партнер-союзник) не только высокой ценой победы над фашизмом, но и получить на три десятилетия франкистскую Испанию и на четыре - просоветскую Восточную Европу.

Список литературы и источников

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).- Ф.05. – Секретариат М.М. Литвинова (1936-1938 гг.).
2. АВП РФ.- Ф.010.- Секретариат Н.Н. Крестинского (апрель 1936 – декабрь 1936 гг.).
3. АВП РФ.- Ф.011.- Секретариат В.П. Потемкина (1937-1938 гг.).
4. АВП РФ.- Ф.069.- Секретная референтура по Великобритании (1936-1939 гг.).
5. АВП РФ.- Ф.082.- Секретная референтура по Германии (1936-1939 гг.).
6. АВП РФ.- Ф.098.- Секретная референтура по Италии (1936-1938 гг.).
7. АВП РФ.- Ф.0136.- Секретная референтура по Франции (1936-1939 гг.).
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).- Ф.495.- Оп.74.- Д.510.
9. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940. Сб. док-тов в 2 кн.- М., 1998.- Кн.2. 1938-1940 гг.
10. Documents on British Foreign Policy (DBFP). DBFP.- 2nd ser.- L., 1979. Vol.17.
11. DBFP.- 2nd ser.- L., 1982.- Vol.19.
12. Documents Diplomatiques français. (DDF) 2-e ser. T.3. Paris, 1966.
13. Documents on German Foreign Policy. 1918-1945.- Ser. D.- Wash., 1950.- Vol.3. Germany and the Spanish Civil War. 1936-1939.
14. DGFP.- 1918-1945. Ser. C. (1933-1937). The Third Reich: First Phase.- L., 1966.- Vol.5. March – Oct.31, 1936.
15. Frankfurter Zeitung.
16. Manchester Guardian.
17. La Republic.
18. The Times.
19. Белоусова З.С. Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество. В кн.: Европа между миром и войной. 1918-1939.- М., 1992. -С.57-101.
20. Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде: из истории англо-советских отношений в канун II мировой войны. 1936-1939.- Белгород, 1999.
21. Престон П. Франко. Пер. с англ.- М., 2001.
22. Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938 – 1941.- М., 1999.
23. Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Пер с англ. М., 1997-1998.- М., 1997. - Т.1: Надвигающаяся буря.
24. Colton J. Leon Blum. Humanist in Politics.- N.Y., 1966.
25. Henig R. The Origins of the II World War. 1933-1939.- L.; N.Y., 1992.
26. Merkes M. Die deutsche Politics im Spanischen BurgerKrieg 1936-1939.- Bonn,1969.
27. Stone G. The European Great Powers and the Spanish Civil War / Spain and the Great Powers in the XX century. Ed. by Balfour S., Preston P.- L.; N.Y., 1999.

The Spanish Civil War, 1936-1939, and a Policy of Blocs before the World War II

Malay V.V.

Belgorod State University, Belgorod, Pobeda Str., 85.

E-mail: malay@bsu.edu.ru

The author looks at history of the Spanish Civil War in the context of international relations on the base of the materials from the Archives of foreign policy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Most of them are used for the first time. Connection of the international aspects of civil war in Spain 1936-1939 and process of political blocking in Europe of eve of the World War II is studied. Internationalization of the Spanish civil war did not become incentive motive of antifascist forces' association. Great Britain and France refused an alliance with the Soviet Union on the Spanish and European questions against fascism. Pro-Franco alliance appeared much more strongly potential pro-republican bloc. The failure of probable consolidation of the Great Britain, France and the USSR within Spanish Civil war meant the beginning of the collective security's end. Fear of the unions, separate agreements within the Spanish war by all future members of future anti-Hitler's coalition has led to that the agreement became the instrument of political struggle.

KEY WORDS: SPANISH CIVIL WAR, 1936-1939; THE INTERNATIONAL RELATIONS.